

власти».

Нет спора, что «горячность» жирондистов, так картинно описанная Луи Бланом, и борьба честолюбии существовали и делали столкновение более озлобленным. Но борьба между Горой и Жирондой имела, как мы видели, основания несравненно более глубокие, чем какие бы то ни было личные столкновения. Эти основания, сам Луи Блан уже указал их, когда воспроизвел, по жирондисту Гара, речь, которую Гора могла держать Жиронде, и вероятный ответ этой последней.

«Не вам, - говорит Жиронда, - управлять Францией, когда у вас руки обагрены кровью сентябрьских дней. Законодатели богатой и промышленной страны *должны смотреть на собственность как на одну из самых священных основ общественного порядка*; и не вам исполнять миссию, данную Францией своим законодателям, когда вы проповедуете анархию, покровительствуете грабежам и *пугаете собственников*... Вы призываете против нас своих парижских убийц: мы призываем против вас «честных людей» (*les honnetes gens*, т. е. буржуазию) всей Франции».

На что Гора отвечает:

«Мы обвиняем вас в том, что вы пользуетесь своими талантами для своего личного возвышения, а не *для равенства*... Покуда король предоставлял вам управление, чрез посредство назначавшихся вами министров, вы находили его достаточно хорошим владыкой... Вы никогда не питали мысли поднять Францию до великой будущности республики, вы хотели сохранить в ней короля, у которого вы состояли бы мажордомами».

Мы скоро убедимся, в следующих главах, как верно было это последнее обвинение, когда увидим Барбару на юге Франции, и Луве в Бретани, идущих рука об руку с роялистами, и когда столько жирондистов вернутся к власти вместе с «белыми» после термидорского переворота. Но продолжаем ответ Горы:

«Вы хотите свободы без равенства, - говорит дальше Гора, - а мы хотим равенства, хотим, потому что без равенства мы не можем представить себе свободы. Вы «государственные люди», вы хотите организовать *республику для богатых*, а мы люди не государственные... *мы ищем законов, которые извлекли бы бедных из нищеты и сделали бы из всех людей при всеобщем благосостоянии счастливых граждан и ярых защитников всеми обожаемой республики*».

Очевидно, здесь столкнулись два совершенно разных представления об обществе. Так и поняли борьбу Горы с Жирондой современники¹.

В сущности, дело обстояло так. Предстояло одно из двух: или революция ограничится тем, что низвергла короля и, не постаравшись даже закрепить свое дело глубоким переворотом в воззрениях нации в республиканском смысле, не сделавши ничего, чтобы заинтересовать народные массы в совершившемся политическом перевороте, она успокоится на этом первом своем успехе и предоставит Франции отбиваться, как она сможет, от нашествия немцев, англичан, испанцев и итальянцев, опирающихся на сторонников королевской власти внутри самой страны.

Или же революция теперь же сделает попытку идти дальше «в смысле равенства», как тогда говорили. Она закончит наконец дело уничтожения без выкупа феодальных прав и возвратит общинам право на мирские земли, отобранные у них за последние 200 лет; она положит начало обобществлению земли, признав право каждого на землю; она утвердит дело, начатое четыре года тому назад восставшими крестьянами и, с поддержкой самих народных масс, будет искать, «как вывести бедных из нищеты»; она попытается ввести, если это будет возможно, не всеобщее равенство состояний, а «благосостояние для всех», «всеобщее благосостояние». И ради этого она вырвет власть из рук богатых и передаст ее в руки общин и народных обществ.

Глубокое различие этих двух воззрений уже объясняет вполне кровавую борьбу, которая началась после падения королевской власти в Конвенте, а с ним вместе и во всей Франции. Все остальные причины, обострявшие борьбу, имеют лишь второстепенное значение.

XLIII

ТРЕБОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА. СОСТОЯНИЕ УМОВ В ПАРИЖЕ.

¹ Можно было бы привести множество цитат в подтверждение. Следующие две могут быть даны как образцы многих других «Жирондисты хотели остановить революцию на буржуазии», — писал Бодо. Они хотели «втихомолку устроить буржуазную аристократию, которая заступила бы место дворянства и духовенства», — говорил Бурдон из Уазы 31 мая в Клубе якобинцев (*La Societe des Jacobins. Recueil des documents. Red. et introd. par A Aulard v. 1–6. Paris, 1889–1897, v. 5, p. 220*).